

Давно уже замечено, что судьба не благосклонна и руссокой литературе, что незавидна доля ее лучших деятелей, что преждевременная, часто даже насильственная смерть поражала их в лучшую пору развития, в то время, когда от их дарования вправе было ожидать зрелых, глубоких произведений. Грибоедов, Бестужев, Полежаев, Веневитинов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Кольцов — какие имена — и какие печальные, ранние утраты! Не много снисходительнее был и к нашей сцене этот странфатум, беспощадно поражающий все, что было у нас лучшего, чем мы могли гордиться, чему должны были радоваться. Не говоря о множестве молодых, сценических дарований, обещавших многое и погибших ранней смертью, как певица Степанова, танцовка Шлефохт, сколько зрелых талантов, поддерживавших руссокий театр, унесла преждевременная кончина. Вспомним Дюр, Рязанцова, Асенкову, Мочалова, Каратыгина. Таланты их были не в одинаковой степени замечательны, но почти все они до сих пор не заменимы на руссокой сцене. Только со смертью названных нами комиков, наш театр нашел замену им в самобитном, великом даровании Мартынова. И в то время, когда это многостороннее дарование окрепло до последней степени искусства, когда оно развило в себе новые силы когда по преиму- ществу комический артист сделался высоким драматическим артистом — та же неумолимая судьба прекратила дни его в минуты полного развития его таланта, на сорок шестом году жизни незабвенно- го артиста.

И когда подумаешь, с какими препятствиями должен он был бороться, для того, чтобы выработать в себе эту новую сторону сценического искусства, делавшего из Мартынова полного, совершенного артиста! Прежде всего — ему надобно было заставить публику — глядеть на него, не только как на комика, встречать его появление на сцену не одним смехом. Лет десять тому назад, мы помним попытки его в серьезных ролях. Правда, роли эти были плохие, в переводных, нелепых драмах, но разрабатывая в себе драматический элемент, Мартынов более всего огорчался тем, что публика как будто не верила в возможность Мартынова — трагика. В одной-то дикой драме, из жизни Гаррика, где покойник играл театрального ламповщика и в одной сцене горько плакал над трупом любимой им актрисы, — публика встретила смехом эти слезы. Нам случилось в это время быть за кулисами. Возмущенный, огорченный артист сошел со сцены. "Докажу же я им, что Мартынов сумеет заставить их плакать" сказал он нам, проходя в уборную. Слова эти невольно остались в нашей памяти, и мы, может быть даже тверже его, были убеждены в том, что он сумеет сдержать свое обещание.

И как блистательно доказал он это, с появлением пьес Островского, в драмах из руссокого быта: "Не в деньгах счастье", в "Отц. семейства". Тут дарование нашло простор и место, где развиться. Еще и прежде, даже в жалких, переводных водевилях, в плоских произведениях топорно-российской фабрикации, он решительно создавал роли, извлекая из убогих данных то, чего никогда и не подозревал в них сам дюжинный автор. Много пьес держались на сцене только талантом Мартынова. И как ничтожны казались и эти роли и сама пьеса, когда его место занимал другой актер.

Принужденный приготовить по две по три новых роли в неделю, в продолжении почти всего сезона бесчисленных бенефисов, имевших такое губительное влияние на упадок руссокой драматургии, Мартынов часто не имел физической возможности выучить все эти роли, большую часть для двух или трех представлений, и являлся иногда на сцену не в таком виде, как бы следовало артисту; чтобы скрыть это и задобрить публику, всегда снисходительную к своему любимцу, он прибегал иногда к фарсам, недостойным чистого искусства и возбуждавшим одобрения одного райка, — но все

это были резкие тени на огромном даровании и, в последнее время, в особенности игра его была безукоризненно высокохудожественная.

С мягким сердцем, с доброй, прекрасной душой, Мартынов по временам не мог устоять против окружавших его влияний и увлечений. И для него, как для многих артистических натур, были пагубны слишком усердные друзья и почитатели его таланта. Это, как говорится у нас: отдавание долга человеческой слабости — сильно действовало на его впечатлительную натуру, никогда не отличавшуюся геркулесовским здоровьем. К этому присоединились еще тяжелые труды по отчетливому исполнению ролей, всегда изнуряющему добросовестного артиста, и все это соединенное вместе давно уже развило в Мартынове опасную, грудную болезнь. Симптомы ее ослабели во время его семейной жизни, но друзья вторглись и в эту жизнь. Те, которым более всего следовало бы думать о том, чтобы покоить великого артиста, оберегать его от волнений — думали только о себе — и болезнь Мартынова развивалась сильнее. Два года тому назад — он был при смерти, поездка за границу помогла ему. Нынче он отправился в артистическое путешествие, не поберег своих сил и вместо того, чтобы отдохнуть летом, играл на провинциальных театрах. В Харькове он захворал и умер, по крайней мере на руках любивших его людей, не понимая своего положения, твердя, что он будет еще жить, что он чувствует в себе много сил. Эта уверенность не позволила ему исполнить перед смертью все необходимые обряды.

И точно, много сил могло еще быть в этой симпатичной, благодатной натуре. Тяжело становится на сердце, при мысли, что мы не моглиберечь нашего лучшего, первого артиста... И что остается в потомстве от этих жрецов искусства, приводящих в восторг современников? Одно воспоминание, рассказ о том как артистически передана такая-то роль, как глубоко потрясены были все зрители, в такой-то пьесе. Конечно, мы, видевшие Мартынова на сцене, сохраним в памяти, до конца жизни, высокие минуты наслаждения, доставляемые его художественной игрой, но как передадим мы детям нашим то впечатление, которое производила на нас игра его? Голос несравненного Рубини до сих пор звучит в ушах наших, но какой инструмент передаст его, а если бы и передал, кто мог бы вложить душу певцам в звуки, если бы мы вздумали даже ими передать впечатление, производимое на нас почившим артистом? Между актерами — есть лица, удачно передразнивающие Мартынова, но где лица, которые могли бы хоть напоминать его в какойнибудь из ролей?

Биография артиста состоит главнейше в перечислении иггранных им ролей. Мы не займемся этою неблагоприятною работою. Скажем только, что все типы русского общества, появлявшиеся на сцене, были передаваемы им с дагеротипно-художественною верностью. От чиновника, до мелкого писаря, празднующего свои именины, от купца-самодура, старовера и миллионера, до мужика ставящего ребром свою последнюю копейку, от попрошайки до лакея-идиота, от расслабленного брызги-старика, до разгулявшегося франта средней руки, — все лица, все характеры Мартынов олицетворял своею удивительною игрой. В ролях его были места, в интонации, в жестах — минуты, где он достигал неподражаемой, почти невозможной степени совершенства. Гениальные проблески эти поражали зрителя. Точно также хорошо передавал он и общечеловеческие типы, мольтеровского скупого и мещанина-дворянина, но свои родные характеры были ему, конечно, ближе, и он олицетворял их как великий мастер.

Мы не приписываем никакого значения тому, что Мартынов пробовал сначала быть танцором, потом декоратором. В молодости протитительно не понимать своего призвания, но, с первых шагов его на сцене, нельзя было не признать в нем огромного дарования. Так понимали его все, кто любил искусство. Мы знаем лиц, которые для него только ездили в Александринский-театр. Литература наша высказала, как она уважает великого артиста на прощальном обеде, данном ему, при отправлении за границу. Но скажем откровенно, нам не нравится, что собирали подписку на его погребение. Эту печальную обязанность могло бы взять на себя его семейство, которое всем ему обязано. Мартынов никогда не жил в нужде. Двести сотни на его похороны могли бросить люди, добывшие эти деньги не сценическими трудами, но для большей части артистов подобная жертва слишком тяжела. Другое дело, если бы подписка собиралась на памятник артисту, - в этом могли бы участвовать вся Россия, но хоронить его должны ближние.

/Иллюстрация, 1860, № 134, т. У1./